

CODE: СССР

ИОСИФ БРОДСКИЙ УТРАТИЛ ЖЕЛАНИЕ ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ — "ТОЛЬКО ЕСЛИ НА ПОГОСТ"

/1/

ИЗВЕСТИЯ = № 339 ◆ 4 декабря 1988 года ◆ **6**

Иосиф БРОДСКИЙ: ПОКА ЕСТЬ ТАКОЙ ЯЗЫК, КАК РУССКИЙ, ПОЭЗИЯ НЕИЗБЕЖНА

ОКОЛО четверти века назад в Ленинграде судили юношу. Приговорили к лишению свободы. За тунеядство.

Юноша писал стихи, а суд никак не хотел признать это работой. К тому же у судьи был козырь:

— Кто зачислил вас в ряды поэтов?!

Правда, кто? Его не публиковали («по политическим соображениям»). А то, что стихи широко расходились в обход типографий — от руки, машинописно, устно, — это было против, а не за него.

Поэта отправили в архангельскую глубинку.

За него заступались великие соотечественники — Анна Ахматова, Александр Твардовский, Корней Чуковский, Дмитрий Шостакович. Увы.

В 1972 году поэт покинул Родину.

А пятнадцать лет спустя, в минувшем году, в Швеции ему была вручена Нобелевская премия. По существу — за то же, за что отбывал наказание. Ленинградский судья Савельева и Шведская академия в Стокгольме разошлись во взглядах на поэзию.

Речь об Иосифе Бродском. «Нобелевские ежегодные международные премии названы в честь их учредителя, шведского инженера-химика, изобретателя и промышленника Альфреда Бернхарда Нобеля (1833—1896). Согласно завещанию Нобеля, оставшийся после его смерти капитал составил Нобелевский фонд. Средства были помещены в акции, облигации и займы, доход от них ежегодно делится на 5 равных частей, каждая из которых присуждается за работы в области физики, химии, физио-

1972 год. Последний день на Неве...

Снимок сделан отцом поэта, ленинградским фотокорреспондентом Александром Бродским.

логии или медицины, литературы, а также за деятельность по укреплению мира.

Лауреату Нобелевской премии вручаются золотая медаль с изображением А. Нобеля, диплом и чек на денежную сумму, размер которой зависит от прибыли Нобелевского фонда (как правило, от 30 до 70 тысяч долларов).

Обсуждение представленных работ и голосование проходят в обстановке строгой секретности.

Торжественные церемонии вручения Нобелевской премии проводятся в Стокгольме и Осло 10 декабря, в годовщину смерти А. Нобеля». (Из справки, предваряющей публикацию Нобелевской лекции в «Книжном обозрении» № 24 за 1988 г.).

Среди лауреатов в области литературы — Киплинг, Метерлинк, Фолкнер, Гамсун, Хемингуэй... Имена, величины — Ромен Рол-

лан, Рабиндранат Тагор, Уинстон Черчилль... И в одном ряду — соотечественники: Иван Бунин (1933 г.), Борис Пастернак (1958 г.), Михаил Шолохов (1965 г.), Александр Солженицын (1970 г.), Иосиф Бродский (1987 г.).

...возрадоваться бы!

Однако вместо законных чувств отечественной гордости и радости — печаль.

«Надо перестать нянчиться с околολитературным тунеядцем. Такому, как Бродский, не место в Ленинграде...» (из газеты «Вечерний Ленинград»).

Поэт покинул Родину в 32 года. К этому времени в стране было опубликовано четыре его стихотворения.

CODE: СССР
ПОЭТ ИОСИФ БРОДСКИЙ

ITEM:

/2/

УЖЕ не помнится теперь,
было ли среди тех четырех
это, из ранних:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать,
На Васильевский остров
Я приду умирать.
Твой асфальт темно-синий
Я впотьмах не найду,
Между выцветших линий
На асфальт упаду...

Эти строки очень любила Ахматова, предсказавшая юноше большую и трагическую судьбу.

Нынешней осенью, почти год спустя после получения Нобелевской премии, Иосиф Бродский приехал из Нью-Йорка (там он обосновался, преподает в небольшом колледже) в Европу. За этот год несколько европейских издателей с завидной оперативностью выпустили ряд его книг.

В Париж поэт прибыл по приглашению французских славыстов для участия в научном семинаре «Словесность и философия». Несмотря на участие в нем двух нобелевских лауреатов (второй — Чеслав Милош) — ни

особой рекламы в газетах, ни шумихи. И проходил семинар без помпы, в одной из небольших аудиторий бывшей политехнической школы. Мы, два советских журналиста, успели остановить Бродского в фойе. Безучастно и в высшей степени учтиво он выслушивал вопросы. Уже пора было уйти, но он отвечал: «Ничего, еще есть время». Проговорили минут десять. О них — в конце.

Философы выступали утомительно. К тому же на французском, которого Бродский не знает. Поэт рассеянно рассматривал

со сцены зал, иногда появлялась на лице блуждающая улыбка, видимо, кого-то приметил в зале. Много курил. Когда снимал очки, видна была усталость.

Это и запомнилось более всего от первой встречи — усталость и предельная простота: ни в чем нарочитости — ни в скромной одежде, ни в едином движении.

Несколько дней спустя состоялась другая встреча, незапланированная. На этот раз выступал уже русский поэт перед русской аудиторией. И опять без всякой рекламы, в комнатке меньше, чем наши школьные классы. Тут были корреспонденты «Русской мысли», переводчики, литературоведы-слависты, эмигранты. Сидели в единственном проходике, на полу.

Сняв пиджак, расстегнув ворот рубашки, Бродский более двух часов читал стихи — распевно, стоя, согнувшись над страницами. Снова много курил, давая себе передышку.

Из ранних, юношеских стихов не прочел ни одного.

А потом, более часа, отвечал на вопросы.

— Вас приглашали приехать в Россию? Нет? А если такое приглашение получите, поедете?

— Мне трудно представить себя в качестве туриста и гостролера в стране, где я родился и вырос. Это будет еще одним абсурдом, которым и без того изобилует мое существование. Если преступнику ~~имеет~~ имеет смысл вернуться на место преступления, там ~~чуждо~~ чуждо, деньги закопаны, то на место любви возвращаться, в общем, бессмысленно. Конечно, можно было бы ходить, улыбаться, говорить «да» и принимать поздравления, но мне подобная перспектива глубоко неприятна. Я никогда не позволял и не позволю ажмотажа вокруг моей жизни. То есть всегда буду этому сопротивляться... Если бы я мог оказаться там совершенно внезапно в качестве частного лица и увидеть двух-трех человек... Но, в общем говоря, я сомневаюсь.

Женский голос:

— Вам снится Ленинград?

— Очень редко снится. Чем больше человек передвигается, тем сложнее его чувство ностальгии. Вы видите колоннаду во сне, но уже не знаете, что это — биржа или венский оперный театр.

(Ветер сюда не доносит мне звуков русских военных плачущих труб).

— Вам хорошо там, где вы живете?

— Так было всегда — и хорошо, и плохо. Процент хорошего и дурного, он в жизни всегда сохраняется более или менее.

— Какие-нибудь опыты в русской прозе вы делаете?

— Много? Нет. Чехов говорил о себе, что за свою жизнь он писал все, кроме стихов и доносов! Я, перефразируя его,

хочу сказать, что писал все, кроме доносов и прозы.

— Следите ли вы за советской поэзией?

— Более или менее. Сказать по правде, мне не очень нравится более молодое поколение.

Бродскому называли конкретные имена — отзывался в основном без энтузиазма. Может быть, слишком суров или несправедлив? Но у него своя мера и своя точка отсчета. Вот — из его Нобелевской лекции после получения премии: «Независимо от того, является человек писателем

или читателем, задача его состоит прежде всего в том, чтоб прожить свою собственную, а не навязанную или предписанную извне, даже самым благородным образом выглядящую жизнь. Ибо она у каждого из нас только одна... Окажись на этой трибуне Осип Манделштам, Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уистен Оден, они невольно говорили бы именно за самих себя... Эти тени смущают меня постоянно, смущают они меня и сегодня... Ибо быть лучше них на бумаге невозможно; невозможно быть лучше них и в жизни, и это именно их жизни, сколь бы трагичны и горьки они ни были... Я назвал лишь ~~двух~~ ~~тех~~ — тех, чье творчество и чьи судьбы мне дороги хотя бы уже потому, что, не будь их, как человек и как писатель я бы стоил немногого: во всяком случае, я не стоял бы сегодня здесь».

Не потерял ли он, русский поэт, там, вдали, ощущение родного языка?

— Возможно, что-то произошло... В другой среде вы пишете с известной долей автоматизма... В России я написал бы стихотворение и не задался бы этим вопросом. Я раньше завидовал тем троиц, о которых упомянул, потому что они живут дома, им стены помогают, им язык помогает, помогает естественность их существования... Но не меньшая доблесть — остаться самим собой и в ситуации неестественной. Суждение этих троиц я хотел бы время от времени слышать — о том, что я сочиняю... Язык порождает поэтов, а не поэты порождают язык. Поскольку существует русский язык, время от времени всегда будет происходить нечто замечательное. Это свойство нашего языка. Что бы ни творилось в стране, она всегда из своих недр что-нибудь замечательное выдаст. Пока есть такой язык, как русский, поэзия неизбежна.

...Не печально ли, не трагично ли, что человек, столь чувствующий и любящий родной язык, получает литературную премию за труды на языке чужом. За переведенные стихи, которые без потерь непереводимы.

— Что означало для вас при-

CODE: СССР

ITEM: ПОЭТ ИОСИФ БРОДСКИЙ

/3/

суждение Нобелевской премии? Почувствовали ли себя другим человеком?

— Нет, ничего не произошло. Это, естественно, приятно, льстит самолюбию. Но с самолюбием у меня было всегда все в порядке.

Там, при вручении Нобелевской премии он чувствовал себя представителем своего поколения, не больше. Но и не меньше. «Это поколение — поколение, родившееся именно тогда, когда крематории Аушвица работали на полную мощность, когда Сталин пребывал в зените

своей богоподобной, абсолютной, самой природой, казалось, санкционированной власти, являлось в мир, судя по всему, чтобы продолжить то, что теоретически должно было прерваться в этих крематориях и в безымянных общих могилах сталинского архипелага. Тот факт, что не все прервалось — по крайней мере, в России, — есть в немалой мере заслуга моего поколения, и я горд своей к нему принадлежностью не в меньшей мере, чем тем, что я стою здесь сегодня. Тот факт, что я стою здесь сегодня, есть признание заслуг этого поколения перед культурой; вспомниая Мандельштама, я бы добавил — перед мировой культурой». (Из Нобелевской лекции).

— «Поэт в России — больше чем поэт», а в США?

— Он — поэт. И это куда почтеннее.

ТЕПЕРЬ и наши исследователи уже начали писать о его рифмах, ритмике, интонации, о знаках препинания. И хорошо, что начали. Не забывать бы только о том, что было...

Александр Кушнер о тех, последних днях поэта на Родине («Нева» № 3, 1988 г.): «...Мы случайно встретились на Крюковом канале. Бродский был бледен и возбужден. Вот тогда он сказал мне о предстоящем отъезде (вопрос еще не был окончательно решен, но решался в эти минуты в какой-то высокой инстанции). ...Мы пошли к нему домой на Литейный — и в моем присутствии раздался телефонный звонок. Звонили из учреждения; Бродский ответил: «Да» — вопрос был решен. Опустив трубку на рычаг, он закрыл лицо руками... Пересадка на чужую почву была вынужденной и тяжелой. Там, в Соединенных Штатах, пришлось перенести две операции на сердце. Помните у Мандельштама: «Видно, даром не проходит шевеленье этих губ, и вершина колобродит, обреченная на сруб».

...Кроме двух операции — смерть родителей, проститься с которыми так и не удалось.

А теперь о той, самой первой, краткой десятиминутной беседе.

— Сегодня, когда творчество

ваше понемногу возвращается на Родину, неужели все-таки не осталось желания вернуться?

Он стоял бледный, усталый, корректный.

— Нет...

— А как же: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать...»

— Только если на погост.

— А если не по чьему-то личному приглашению, а, например, Союза писателей?

— Тем более.

Помолчал.

— Дело не в обиде какой-то... Нет. Никто ни в чем не виноват. Ни вы, ни я тем более.

Мы!.. Вина измеряется не только прямой причастностью, но и мерой совести каждого. Мы — каждый, живущий в свою пору, причастен ко всему, что происходит.

Мне нечего сказать ни греку, ни варягу.

Зане не знаю я, в какую землю лягу.

Скрипи, скрипи, перо! переводи бумагу.

Какое-то распутье все-таки, видимо, есть. В Дании ему был задан все тот же вопрос, которого не избег никто из живущих в изгнании: «Хотите ли вы вернуться в Россию?» — «Жизнь, — ответил поэт, — это вечное расставание, и нельзя вернуться в прошлую жизнь. Ее физически не существует. Но я бы хотел посетить свою бывшую Родину, чтобы побывать на могиле родителей и еще раз увидеть изнутри две-три знакомые квартиры».

— Вы слышали, один из наших журналов готовит публикацию по тому злополучному процессу?

— Да, я слышал. Но думаю, что этого делать не надо.

Он прав, наверное. Но и мы — правы. Потому что лишний раз оглянуться на себя недавних — разве не важно? Оценить себя, если действительно не на словах, а на деле хотим двигаться вперед, — разве не нужно? Когда же, если не сегодня? И не для самоочищения или покаяния только (научились — и каяться, и снова грешить), но и для того, чтобы впредь невозможнее или хотя бы труднее было вернуться так круто чью-то судьбу.

История помнит, сколько уже раз это было — века — два разных сочинительства следуют рядом: чьи-то строки неповторимо и опально ложатся в рифму, и следом — протокол, резолюция, приговор. Иногда обходились и без палачей, выручали дуэли.

История помнит: сколько раз в одном и том же углу — то топор, то икона.

Она же, история, подтверждает: спасая себя или по доброй воле оказавшись вне Отечества, Муза — не умирает. Вдали от Родины и эмигранты, и изгнанные во всякий час достойно представляли русскую культуру, продвигали и развивали ее, обогащая тем самым и культуру мировую.

Сегодня каждый из нас, занимающихся переоценкой ценностей, — и истец, и ответчик в одном лице.

ГДЕ оборвалась та ранняя, юношеская строка? «Между выцветших линий на асфальту упаду...»

И душа, неустанно
Поспешая во тьму,
Промелькнет под мостами
В петроградском дыму.
И апрельская морось,
Под затылком — снежок,
И услышу я голос:
«До свиданья, дружок.
И увижу две жизни
Далеко за рекой,
К равнодушной Отчизне
Прижимаясь щекой.
Словно девочки-сестры
Из непрожитых лет,
Выбегая на остров,
Машут мальчику вслед.

...Гневный окрик судьбы:

— Кто зачислил вас в ряды поэтов?!

Ответ юноши:

— Я думаю, что это... от бога.

Ю. КОВАЛЕНКО,
Эд. ПОЛЯНОВСКИЙ,
спец. корр. «Известий».

ПАРИЖ.